

Куваев О
Тройной полярный сюжет

О.Куваев
Тройной полярный сюжет
I УПРЯМЫЙ КАПИТАН РОСС
КАТАСТРОФА

На заснеженном горном склоне, который под мартовским солнцем был так ослепителен, что временами казался черным, шли горнолыжные соревнования. Фанерная доска с фамилиями участников, номерами и секундами против них извещала, что шел третий и последний пункт горнолыжной программы скоростной спуск.

Трасса была прорублена в соснах. Могучие горные сосны в торжественной зелени и бронзе стволов придавали происходящему почти ритуальный оттенок. Выше по склону сосны исчезали, и вдали, совсем уж торжественно четких, выступали снеговые вершины и пики.

Внизу была суета. Цветными пятнами разместились здесь кучки болельщиком: коричневых от солнцу парней и девиц в немыслимой расцветки свитерах, невероятных фасонов темных очках, с горными лыжами, украшенными всей геральдикой мира, - околоспортивная публика.

И совсем одиноко на фоне горных вершин стоял при двух костылях и одной лыже, ибо другая нога была в гипсе, сожженный солнцем до черноты, сухопарый ас горнолыжников.

Далеко вверху, где трасса исчезала в поднебесье, показывалась облачной мошкой летящая вниз фигурка.

Сжимая костыли, ас смотрел на фигурку, бормотал с акцентом:
- Идош, да?

Фигурка исчезала на мгновение и вылетала из-за склона: поджатые руки и колени, шлем, темные очки и воздушный свист - человек уносился вниз, в расплывчатые цветные пятна.

Ас снова смотрел вверх, где следующий уже мчался в смертельную неизвестность и чего сегодня был лишен он, корифей скоростного спуска.

...На вершине горы, где был старт, уже не стояли торжественные сосны. Среди темных скал здесь посвистывала поземка. Лыжники с номерами на груди и спине, их осталось немного, нервно разминались, ждали своей минуты. По четкому интервалу стартов, по тому, что не было затяжек и перебоев, все знали, что пока никто еще не "гремел", что, значит, трасса в порядке. Но... всякое может быть за три стремительные и бесконечно длинные минуты спуска.

- Номер сорок семь. Ивакин. РСФСР, - сказал в телефонную трубку помощник арбитра. В шубе, валенках, лохматой шапке вы-

глядел он странно среди обожженных высотным солнцем, затянутых в эластик парней.

Сашка Ивакин в это время говорил о чем-то с тренером, как и все кругом, демонстрируя беззаботность. Это ему почти удавалось, так как спорт еще не успел огрубить мальчишескую мягкость его лица.

- После середины "плечо", за "плечом" - "пупок", - тренер машинально присел, спружинил ногами.

- Знаю. Все знаю, Никодимыч, - сказал Сашка. Он нагнулся и одну за другой защелкнул на ботинках сверкающие "лягушки". Вначале суеверно на правом, потом на левом. В щиколотках сразу возникла уверенная тяжесть, лыжи стали продолжением ног.

- Эй, Русь! - поторопил судья. Сашка подмигнул тренеру. В тот же миг лицо как бы стянулось на жестких пружинах, морщины легли в углах рта. Когда он выкатил к старту, было уже не лицо - рубленая топором маска. Сашка надвинул шлем, очки и преобразился еще раз - не человек, механизм для смертельного испытания.

- Пшел! - судья сделал отмашку красным флажком.

Сашка толкнулся палками, еще толкнулся, чтобы набрать скорость, сдвинул лыжи, согнул колесом спину, вынес руки с палками под подбородок, и стремительно засвистела трасса, мягко начали пофыркивать лыжи. В бешеном вираже, окутавшись облаком снежной пыли, Сашка прошел поворот трассы, но тут правая Сашкина лыжа на что-то наткнулась, он сбился, выровнялся, и в это время резко исчез под ногами склон, и он с нелепо задранной лыжей так и летел в воздухе. Голова, шлем, лыжи, руки, снежная пыль - катился Сашка Ивакин по склону и наконец замер, врезавшись в могучий сосновый ствол.

Взвыла на дальней дороге сирена "скорой помощи". Тревожно вздохнула и заговорила толпа разноцветных болельщиков.

Прокатилась к финишу одинокая лыжа, сорванная с ноги Сашки Ивакина, и толпа расступалась перед ней.

Ловко балансируя костылями, скатился к нему на одной лыже покалеченный ас.

- Друга, а? Живой, а? - выпрямил спину и загадочно гаркнул вниз: Тоббоган!

Какие-то бодрые юноши уже тащили алюминиевое корыто с красным крестом: санитарные нарты тоббоганьего типа.

Разноцветная толпа облепила сосну, и метеором врезался в толпу примчавшийся сверху седоголовый тренер.

Сашка лежал у сосны. Ремень шлема лопнул под подбородком, шлем сбился набок, струйка крови текла по лицу.

Озабоченно протиснулся врач и открыл коробку со сверкающими инструментами.

Сашкин взгляд был бездумно светел, бездумно прост. И отражались в нем цветные пятна, сосны, горы и снег.

...Втыкая каблуки горных ботинок в склон, тренер сам спускал Сашку Ивакина. Шапку он где-то потерял, и солнце безжалостно высвечивало и седину, и рваный шрам поперек лица, и мертвый безжизненный глаз. Живой тренерский глаз неотрывно смотрел на Сашку.

- Саш! Саша! - тихо позвал тренер. Но бездумен по-прежнему был взгляд Сашки Ивакина. Бездумен и прост.

Утверждают, что в критические минуты перед глазами человека проходит "вся его жизнь". Автор не встречал людей, сказавших бы "со мной это было". Но он встречал тех, которым в смертный миг приходили в голову посторонние мысли.

Взбаламученный мозг Сашки Ивакина занят был не горькими мыслями, не мог он осознать и свое положение. Перед его глазами, вроде бы как в кино, плыли цветные картинки давней мечты, вставляли люди, которых он никогда не видел, но знал лучше многих, живущих рядом.

КАБАЧОК "ПЬЮЩИЙ КИТ". ЛОНДОН 1818

Май в Лондоне 1818 года был ветреным и холодным. Туман закрывал стены домов, булыжник на узкой припортовой улочке был мокр, и сквозь этот туман еле мерцал фонарь, укрепленный над вывеской кабачка "Пьющий кит". На вывеске был изображен кит с кружкой.

Кабачок этот был темен, пуст. В голых своих стенах, при голых столах и за пустой стойкой стоял молчаливый хозяин, вперив в пространство ничего не выражающий взор.

В этом мрачноватом заведении нельзя было пить в одиночку. Посетителей же было трое: толстяк в вязаном жилете - явно рыбо-торговец; обветренный малый с бедовыми, выдавшими виды глазами, в матросской суконной куртке, и еще одного рассмотреть было нельзя, потому что он не то спал, положив голову на руки, не то просто задумался о безысходности бытия. Все трое сидели за одним столом, освещенные одним кругом света.

- Император Карл Пятый и ко-ро-лева... - торжественно подняв палец, говорил рыботорговец.

При слове "королева" человек поднял голову. Был он горбонос,

смугл, не здешнего, южного облика.

- ...И ко-ро-ле-ва Венгерская, - покосившись, продолжил рыботорговец, ...посетили могильный камень фламандца Вильгельма Бинкельса. Чем заслужил такую честь этот фламандец? Тем, что изобрел новый и прекрасный способ засолки сельди. Весь мир ест сельдей, но способ засолки...

- Ер-ррунда! - Горбоносый снова поднял тяжелую голову. На смуглом худом лице тревожными бляшками белели глаза. - Тр-реска! Венгер-ррская кор-ролева! Посетили могильный камень! В Гудзоновом заливе нас сжало так, - он взял в руки глиняную кружку и сжал ее в грязных ладонях. Кружка треснула.

- Две монеты, - сказал в пространство хозяин, не повернув головы.

- Радуйся, что я жив, грабитель, - отмахнулся матрос. - Я говорю: вначале сжало. Потом отпустило. А когда опять сжало и опять отпустило, то было половина трюма воды. Кто выкидывал сундучки на крошечный лед, кто поносил всех святых, кто ждал, что будет из этого светопреставления. А потом сжало снова. Сжало и понесло, и тут уж все принялись молиться... А Рыжий закричал с бака, что видел Ее.

- Кого? - спросил рыботорговец.

- Розовую чайку, - помедлив, ответил матрос. Обветренный малый покивал головой.

- Когда он крикнул, что видел розовую чайку, все бросили молиться и начали откачивать воду. Мы качали, а нас тащило вместе со льдом на Северный полюс.

- Их подобрал китобоец где-то возле Аляски, - тихо пояснил рыботорговцу обветренный. - Видеть розовую чайку - значит спастись.

- Про эту птичку я слышал раз двадцать, - сказал из-за стойки хозяин. Половина тех, кто терпел крушение во льдах и выжил, говорят, что в самый страшный момент появлялась она. И люди спасались.

- Молчи, убийца, - сказал пьяный матрос. Ты ее видел, а, Себастьян?

- Ее видел Рыжий. Но Рыжий погиб.

- Вот-вот, - насмешливо подхватил хозяин. Все ее видели перед тем, как спастись, и никто из уцелевших не видел. Всегда ее видел кто-то другой,

- Рыжий кричал, что видел. И мы... мы-то спаслись? Против этого спорить не будешь? - Себастьян хотел что-то добавить и

осекся.

Дверь кабачка "Пьющий кит" распахнулась с треском. Ветер влетел в тишину и прошелся между столов, как полисмен, посетивший в глубокий ночной час злачное место.

Держась под руки, в дверь медленно ввалились четыре фигуры. Драная одежда, черные, обмороженные, истощенные лица, и на лицах этих горели шальные от пьянки и возбуждения глаза.

- Ром! - хрипло сказал один, и остальные прикрыли на миг лешачьи глаза в знак подтверждения. Все четверо плюхнулись за один стол и сдвинули табуретки, точно опасаясь расстаться хотя бы на миг.

- Ребята! - радостно сказал Себастьян. - А вот и наши. Пьяны, как на берегу.

...Капитан Росс шел по узкой улочке припортового Лондона. Сырость, темнота и туман смешивались здесь, как в канале, и стенками канала были мокрые темные стены кирпичных домов с темными глазницами окон, а дном разбитый булыжник. Тусклые головы фонарей были размещены здесь редко и неравномерно. В столь поздний час по таким районам бродили только подозрительные личности и потерявшие цель гуляки.

Но капитан Росс был трезв. Он плотно закутался в плащ, оттянутый сзади короткой морской шпагой. Шаги гулко стучали по мокрому камню.

В тусклом фонарном свете было видно, что он далеко не молод, а может, его старили морщины у носа и уголков рта, а может быть, все дело заключалось как раз в освещении.

По залитой туманом и ночью улице шел хмурый, тяжеловесно собранный капитан Королевского флота, один из представителей славной морской фамилии Россов. Все это время в ушах у него звучал сухой и официальный голос со старческими придыханиями и неожиданными раскатами привыкшего повелевать человека.

"...По отбытии от берегов Англии Вам надлежит взять курс на Гудзонов залив, выбрав для этого кратчайший при сложившейся морской обстановке путь..."

Какая-то неясная фигура прислонилась к стене дома. Фигура проводила капитана Росса по-волчьи блестящими глазами.

"...Оставив к весту Баффинову землю, искать к весту же выхода в море Бофорта... Острова к норд-весту от Девисова пролива изучены слабо, и Вам, капитан Росс, надлежит надеяться на собственную осмотрительность... При удачном стечении обстоятельств и выходе к Берингову проливу как можно дальше пройдите вдоль берегов

Сибири, помня о том, что эти земли крайне интересны короне. Любые Ваши усилия в этом направлении будут оправданы..."

"...Туземцы ...животные на берегах... -раздумчиво продолжал голос. Буде таковые есть, капитан, в тех краях..."

- Буде таковые есть, - пробурчал Росс.

- Остр-ровам не дают наше имя! - Двое пьяных выплыли на перекресток, поддерживая друг друга.

- Не шатайся. Черпак, - бормотал один из матросов. - Ты видишь, сэр стоит прямо.

- Да он же трезвый... сволочь, - с детским изумлением сказал Черпак, уставившись на капитана Росса. - Трезв, как фонарный столб. Клянусь бабушкой моего боцмана - это капитан Росс. Скоро он будет прямой, как сосулька. Вся команда будет пряметь, как сосулька там, за Гудзоном... - Голоса матросов исчезли в тумане, как в вате.

Волна Темзы слабо била о деревянную пристань. Мерно качались черные ослизлые лодки. Капитан Росс сбежал по отлакированным сыростью ступенькам. На шесте у одной лодки горела оплывавшая свеча в закопченном фанаре. Лодочник дремал, укутавшись в шаль. Росс постучал сапогом о борт лодки.

- Эй, Харон!

- Да, сэр! Слушаю, сэр! - ошалело сказал лодочник, скидывая шаль и машинально хватаясь за весла. Он оглянулся, узнал капитана и улыбнулся беззубой улыбкой. - Доброе утро, сэр. Хорошо погуляли? На судно?

У нас нет ни имен, ни званий,

Мы быдло, палубный скот,

Только тот, кто моряк по призванью,

Не бросает английский флот.

Островам не дают наше имя.

У нас клички И нет гербов.

Эй, на ванты!

Смерть морским молитвам не внемлет,

Рвется жизнь, как манильский трос,

Но всегда Неизвестную Землю

Первым видит с мачты - матрос!

Матросская песня XVIII века

В БОЛЬНИЦЕ

Сашка Ивакин лежал на операционном столе, закутанный в стерильное белое облако.

Группа врачей в углу операционной вполголоса переговарива-

лась, готовясь к операции.

- Перелом ноги, два ребра...
- Рентген показал трещину в черепе...
- Рвота отмечена?
- Да. Первые полчаса после травмы.
- Типичное сотрясение мозга.

Сашка лежал с открытыми глазами. Ему поднесли наркозную маску.

...В вестибюле больницы сидели товарищи Сашки по команде - крепкие загорелые ребята в одинаковых спортивных пиджаках яркого цвета, одинаковых брюках и замшевых туфлях. На коленях у всех лежали одинаковые бельгийские плащики, и было приятно смотреть на этих ребят со свежими от загара лицами, на которых спорт все-таки наложил отпечаток преждевременной зрелости и возмужания.

Тренер сидел, положив руки на колени, и смотрел в пол.

Тихо открылась дверь. Вошел еще один - как был в блестящем эластике с белыми полосами вдоль брюк, только накинул куртку.

- Как? - шепотом спросил он. Ребята пожали плечами.
- Шаганов взял золотую по трем видам, - сообщил он.
- А спуск? - так же шепотом спросили его.
- Габридзе.

Спортивные юноши покивали головами. Один встал и направился в глубину белоснежного коридора. Тренер поднял голову. И все стали смотреть в коридорный проем. На цыпочках парень вернулся.

- Прогнали! - объяснил он. - Ничего не известно.

Ребята шепотом переговаривались между собой.

- Сашка. взял бы.
- Габридзе все-таки...
- А Ловягин?
- Загремел на втором перепаде.
- Эх, Сашка,..

В вестибюле стало тихо. Уставившись в пол, думали свою думу спортивные мальчики. Тренер посмотрел на часы.

- Спать!
- Соревнования-то кончились, Никодимыч.

- Спать! - жестко повторил тренер, и мальчики беспрекословно потянулись к выходу, оглядываясь на белую дверь, за которой маялся в наркозном дурмане друг-приятель, надежда команды Сашка Ивакин.

ДОКУМЕНТЫ

"В 1823 году из Кронштадта вышла экспедиция на бриге "Предприятие" под командой О. Е. Коцебу и, вероятно, летом 1824 года достигнет мыса Ледяного и направится навстречу Парри, который будет стремиться от Ланкастера к западу... Таким образом, слава географических открытий оспаривается искусными мореплавателями двух сильнейших морских держав Европы, которые не жалеют усилий, одушевляясь желанием решить прежде всех важнейшую географическую задачу".

"Курьер Глазго", 1824 г.

"Англии не простится, и она станет посмешищем всего мира, если позволит какой-либо другой стране из-за своего безразличия ограбить себя, лишит всех своих предыдущих открытий".

Письмо в Королевское географическое общество
полярного капитана Джона Барроу, именем которого назван
крупнейший мыс
Аляски, 1829 г.

"Одно из судов экспедиции в честь Вас и как подтверждение Ваших заслуг и талантов я назвал "Крузенштерн"... Если произойдет кораблекрушение, "Крузенштерн" станет нашим последним прибежищем, поэтому особенно символично название этого судна, как дань Вашей ценной работе по Тихому океану. ...Если я дойду до границ русских владений в Америке, я водружу там флаг России, ибо моя экспедиция носит чисто научный, а не политический характер".

Письмо Джона Росса Крузенштерну, 19 марта 1829 г.

"...Познание таинств мира есть первейшая обязанность всякого путешественника. Летописи морской истории полны сообщений о невероятных чудесах. О морском змее, известном под названием Краббен, Горвен или Анкетроль. О сельдяных "королях", которые определяют маршруты стад рыбы. О птице Едредон, которая вырывает из груди пух необычайной мягкости и выстилает им гнездо. В последней нетрудно узнать обыкновенную гагу. Известны также легенды о розовой чайке, странной птице арктических стран, которая приносит спасение гибнущим мореходам. Как всегда, в этих историях трудно, а подчас невозможно отличить правду от вымысла..."

Из дневника капитана Росса

...Когда бог создал океан,

Три дня, три ночи пил,